

The illustration depicts a woman in a dark military uniform with a prominent red scarf, standing in the center of a chaotic battle scene. She has a serious, determined expression. Around her are soldiers in similar uniforms, some holding rifles. A large red flag is being carried in the background against a cloudy sky. The overall style is realistic and dramatic.

Инна Игнаткова

*Комендантский час. Книга третья.
Под личным поручительством*

18+

Инна Игнаткова
Комендантский час.
Книга третья. Под
личным поручительством

<https://litres.ru/73991786>

SelfPub; 2026

Аннотация

Гражданская война ставит Магдалену перед невозможным выбором. Чтобы выжить и вернуть детей, она соглашается стать шпионкой в штабе ультраправых, играя роль жертвы под покровительством полковника Глеба Волкова. Её настоящая цель — помогать повстанцам.

Каждый день превращается в пытку: доброта Глеба вызывает чувство вины, а близость с врагами грозит разоблачением. С приездом жестокого генерала Скрипача игра становится смертельно опасной.

Война стирает границы между правдой и ложью, оставляя лишь один вопрос — что останется, когда всё закончится?

Содержание

- 27 –	4
- 28 –	12
- 29 –	16
- 30 –	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Инна Игнаткова

Комендантский час.

Книга третья. Под личным поручительством

- 27 -

Снился звон посуды. Отдыхающие накладывали салаты в фарфоровые тарелки – греческий с маслинами, цезарь с курицей, оливье с ветчиной. Бряцали вилки о ножи, разрезавшие сочные свиные медальоны, в павильоне в парке с южными культурами, оборудованном под курортную столовую. В лучах садящегося солнца покоились незыблемые белые лестницы, скамейки, монументальные ротонды, построенные столетие тому назад. Соблазнительно журчали поилки с минеральной водой. Где-то в глубине парка уже заливались соловьи, а чуть дальше, за тенистыми платанами, шумело теплое море, на берег которого они отправятся прогуляться сразу после ужина.

- Ешь давай, нечего по сторонам глазеть! - осадил Гавриил Магдалену, как обычно, пристально наблюдая за ее настроением.

Чьи-то дети, мальчик и девочка, перекладывали десертными ложками на блюдца меренговые пирожные, булочки в сиропе и лимонный пудинг. Они были так похожи на Сашеньку и Любу, разве что чуток постарше. Официант нес гору тарелок судомойке, но споткнулся о складку ковровой дорожки. Раздался звук бьющегося стекла...

Магдалена тяжело открыла глаза. На полу валялись осколки и бронзовый бюстик поверженного монарха, которым разбили окно. На улице развернулась рукопашная между местными бандами. Оборванцы из-за периметра, оставшаяся в городе полиция, оголодавшие жители медины – было уже не разобрать кто на кого. Но мучительнее всего все эти дни был не страх смерти, а чувство голода. Магдалена потянула на ухо подушку и зажмурилась, съеживаясь в комок. Чуть позже, когда там, на улице, уляжется, она затянет разбитое окно полиэтиленом, подоткнет тряпьем, а пока лучше не вставать, вообще не двигаться, экономить силы. Прикинуться мертвой, как та божья коровка, которую она отпустила в небо всего лишь пару-тройку месяцев назад. Как за такое короткое время жизнь могла так круто измениться? Господи, хоть бы все это оказалось дурным сном!

Однако, кошмар не спешил заканчиваться. Когда все началось, мысли Магдалены были только о ее детях – все ли с ними хорошо, не случилось ли беды? Она то и дело порывалась броситься на поиски, и Минину с трудом удавалось удержать ее.

- Мы же здесь отсиживаемся, словно в норе какой-то! Пока там, быть может, убивают наших родных и друзей!

- Мы не отсиживаемся - мы спасаемся. Поступаем благо- разумно: соваться наружу сейчас безрассудно, - увещевал он. - И бессмысленно!

Погромы на улицах продолжались уже много дней.

Магдалена лежала то ничком, то свернувшись калачиком лицом к стенке.

Минину удалось выяснить, что госинтернат из медины эвакуировали. Но куда отправили всех детей аристократии - никто не знал. Эту информацию тщательно засекретили.

- Как же я найду их теперь? Как я узнаю, что с ними? - мучила она и его, и себя вопросами. Смотрела на него глазами, полными надежды и отчаяния. И боялась того, что читала в ответном взгляде:

«Скорее всего, ты вообще не сможешь их найти, даже если они живы».

Разумеется, он не стал говорить этого вслух.

Они продержались несчетное количество дней на скромном пайке. Но припасы Минина, состоящие из тушенки, сгущенки и сухарей, постепенно заканчивались. Приходилось экономить.

- Потерпи еще немного, родная, - говорил он, наливая ей дрянного пойла из закопченной старой турки. Кофе и сухари служили им перекусом в те страшные дни народного бунта. - Скоро все закончится.

- Мне кажется, это не закончится никогда.

- Препней жизни, разумеется, уже не будет. Но рано или поздно настанет какой-нибудь мир. Я связался кое с кем из знакомых. Со дня на день в город войдет ополчение.

- Ты лжешь! Как ты мог с кем-то связаться? Ты же не выходишь отсюда, как и я.

- У меня есть кабельный телефон, - признался он.

- Откуда он у тебя? – Магдалена поднялась с кровати, вперившись в него тем самым пронзительным взглядом, который так ненавидел Гавриил. Но для Минина этот взгляд разъяренной Мадонны был особенным наслаждением. Он обожал его, как и все в этой женщине.

- Когда все переходили на беспроводную связь, я оставил себе это маленькое удовольствие – на всякий случай, - он убрал прядь, упавшую ей на лицо, и рассматривал ее тонкие правильные черты. – По этой линии я могу связываться с друзьями. Йохан, Роза и Тамара, кстати, тоже на связи. Но лишний раз пользоваться ей нежелательно – сигнал могут засечь.

Она слушала его, и до нее стремительно доходила суть происходящего: запас сухарей и консервов, словно он специально готовился к голодным временам, толстые диаконовские свечи, будто он ограбил церковный приход, предвидя отключение электричества в городе. А теперь еще, оказывается, и проводной телефон!

- Ты!.. Ты всё с самого начала знал! Знал, когда все нач-

нется! – схватив его за свитер на груди, выпалила она. - Если бы ты предупредил, я успела бы забрать детей! Какой же ты... - она задохнулась от бессильной ярости.

- Тише, тише, куколка моя! – заговорил он, положив свои руки на ее и пытаюсь мягко оторвать от себя, словно прицепившегося к одежде котенка. - Что бы это изменило? Никто не отдал бы тебе малышей, заяви ты госопекунам, что завтра начнется революция.

- Я бы что-нибудь придумала!

- Там, куда их увезли, возможно, намного безопаснее, чем здесь. И да! Мы готовились к этому много месяцев. Но никто не ожидал, что все начнется так внезапно.

- Мы?.. Так вот оно что, значит, это все вы и сотворили! ...Тогда чего же они тогда ждут, твои ополченцы? Почему никто не торопится остановить беспорядки? Такое ощущение, что нас просто бросили умирать, - отпустив его, внезапно поникла Магдалена.

- Это гражданская война, Мэгги. Мир уже никогда не будет таким, как был. Надо научиться выживать в новых условиях.

Минин отошел к столу, застеленному пожелтевшей клеенкой, и стал готовить скромную трапезу.

Воцарилась густая, вязкая тишина, в которой время от времени потрескивало, беспокоясь от движения воздуха, пламя свечи. Зыбкие тени зловеще шевелились на стенах со старыми обоями. Точно такими же, медленными, тяжелыми

ми и неясными, были мысли Магдалены, перестающей понимать, где реальность, а где ее фантазии. Она изо всех сил пыталась представить, что это очередной кошмар, от которого она вот-вот проснется. Предпочла бы сейчас поверить в свое действительное сумасшествие! Лишь бы то, что происходило вокруг, оказалось неправдой, плодом ее большого воображения, следствием расстройства рассудка. Только бы очнуться от этого кошмара – у себя дома! Пусть даже в тот злосчастный день, когда она проспала приезд Аполлинарии Ивановны. Она бы что-нибудь придумала, а не сидела бы, как дура! Но увы, все происходило не во сне, а наяву.

Она сидела на кровати, подобрав под себя ноги, и молча смотрела на широкую спину Минина. Ей начинало казаться, что они одни во всем мире, ограниченном этой комнатой. А снаружи, за темными стеклами, заклеенными старыми газетами, – пустота и бесконечный мрак космического пространства. Что Господь покинул их. Навсегда.

- Не понимаю, что тебя так расстраивает! Разве тебе было что терять? – говорил тем временем Минин, открывая последнюю банку тушенки – это была несказанная роскошь, но и она не радовала Магдалену. Как и литр доброго самогона, который ему удалось поднять из подвала, где у него был устроен винный погребок. Эта вылазка чуть было не обернулась дракой с Сарой Соломоновной, которая тоже что-то искала в подвале, и решила, что «сосед-алкаш» позарился на ее тайник. Он насилу унес ноги, чтобы не связываться с

сумасшедшей старухой.

- Можно сказать, тебе даже повезло – революция спасла тебя от тирании твоего муженька, - у Минина после 100 граммов развязался язык – тянуло пофилософствовать. - Так будет лучше для всех! А детей он тебе и так бы не отдал. Кстати, твоего абьюзера несчастного даже не пристрелили. Говорят, они с маменькой укрылись в деревне и держат осаду с кучкой преданных им слуг. Эх, доберусь я до него однажды! А вот вашу квартиру разорили слегка...

Магдалена снова кинула на него пронзительно-тревожный взгляд:

- Держат осаду?

- Ручаюсь, что это ненадолго.

- Сашенька с Любаней у них! Наверняка, они их забрали!

Свекровь влиятельная женщина – она могла это устроить. Я должна поехать туда! – она встала с кровати и подошла к столу.

- Опять ты за свое? Приди уже в себя! Это безумие! Ты не сможешь добраться туда сейчас. Живой, - добавил он. - На, лучше, выпей.

Магдалена отпила из протянутого ей стакана, поморщилась и угомонилась. Она прекрасно знала, что спорить сейчас бесполезно.

- Говоришь, нашу квартиру разорили? – спросила она, глядя на заклеенное газетным листом окно. Второе окно, намедни разбитое, было наскоро замуровано найденной дома

дощечкой и подоткнуто тряпками. Но с него все равно тянуло холодком.

- Мои ребята побывали там после погрома – говорят, все в доме перевернуто вверх дном.

- Твои ребята? – усмехнулась она, не оборачиваясь. Он говорил так, будто сам возглавлял ополчение! – И сколько же вас?

- Достаточно, - он закурил, сообразив, что сболтнул лишнего.

«Мне нужно туда попасть!» - про себя решила Магдалена, взяла сигарету и тоже закурила.

- К окнам не подходи! - побеспокоился Минин. – Снаружи стреляют.

- Но мы ведь не можем вечно так прятаться. Когда-нибудь придется выйти.

- Когда-нибудь и выйдем. А сейчас мы ждем подкрепления. Наши уж

Магдалена торопливо кралась по безлюдным переулкам в голых ноябрьских сумерках. Жалась к придорожному кустарнику, озираясь по сторонам и все время оглядывалась. С серых небес на заледенелую землю крупую летел мелкий снег. Казалось, будто со всех сторон за ней наблюдают – из подворотен и разбитых окон разоренных домов. В какой-то момент даже почудилось, что позади кто-то идет. Но она не разглядела никого позади себя, обернувшись, и лишь прибавила шаг.

Где-то вдалеке закричала женщина, слышались голоса и мужской хохот. Магдалена юркнула в проулок, подводящий к их с Гавриилом дому на Набережной со стороны внутреннего двора. Ворота были сломаны – и она беспрепятственно вошла через черный ход своей распахнутой настеежкой квартиры прямо на кухню.

Внутри и правда все было перевернуто вверх дном. Магдалена пошарила по шкафам, нашла сахар и початую банку кофе, на которые никто не позарился, положила их в свой рюкзак. Не задерживаясь на кухне, прошла в гостиную. Там посреди комнаты лежал опрокинутый стол – тот самый, под которым, как ей однажды приснилось, должен быть спуск в подпол. Под ним и сейчас оставался тот же самый половик.

«На обратном пути», - решила она. Взяла из разбитого

книжного шкафа несколько книг, с тоской посмотрела на разбросанные повсюду холсты и краски, прихватила один, небольшой, под мышку. Потом пробралась в свою спальню и распахнула шкаф, в котором в неприкосновенности висели все ее платья.

- Это не сон. Теперь все по-настоящему, - проведя рукой по плечикам, сказала она вслух.

Быстро выбрала несколько платьев и перекинула через плечо. А когда уже была готова уходить, вдруг услышала скрип половицы у порога.

- Валерк, глядь! Баба! – противным фальцетом с хрипотцой крикнул мерзкий небритый тип, возникший на пороге. Послышался топот – и за ним явились еще двое.

- Ты что здесь забыла, кисонька? Али ищешь кого? Не нас, случайно?

Самозванцы стали приближаться, посмеиваясь. Так же, как во сне, они обступили ее, и чувство омерзения пробило ее до мозга костей, когда один из них первым полез ей под юбку...

Магдалена закричала. Она визжала так истошно, что один из разбойников ударил ее по лицу и отбросил на пол. Отползая от хохочущих мерзавцев на локтях, она уперлась затылком в кровать. Три пары крепких грязных рук подняли ее и швырнули на их с Гавриилом супружеское ложе, а потом один из них навалился на нее всем телом. Спасения ждать было неоткуда – надо было быть конченной идиоткой, чтобы

прийти сюда! Магдалена нащупала рукой светильник на прикроватной тумбочке и изо всех сил ударила насильника плафоном по голове. Плафон раскололся, а негодяй замер, потрогал разбитую голову рукой, потом недоуменно посмотрел на кровь на своей ладони и... бахнулся без сознания прямо на Магдалену.

- Что ж ты, мразь, сделала! – заорал второй подонок, стаскивая с нее товарища и тормоша его что есть силы. – Ты же его убила! Валерк! Валерка!

- В порядке я, в порядке... - придя в себя, пробубнил тот. – Кончайте с этой сукой!

Тут бы и пришел ей конец, но в сгущающейся тьме внезапно мелькнула вспышка света и раздался выстрел. А потом еще два. На этот раз Валерка упал уже замертво.

- Что вы... как вы здесь... - заикаясь, силилась выговорить Магдалена, хватаясь за профессора Баранова, который пытался поднять ее и поставить на ноги. В ушах от выстрела звенело.

- Я заметил вас еще на Садовой. Шел за вами. Хотел окликнуть, но боялся напугать, - объяснил он. – Опять задам вам тот же вопрос, что и в прошлый раз: вы в своем уме, Магдалена? В такое время появляться на улице одной!

- Я... Я... всего лишь... - как полоумная, бормотала она, глядя на трупы бродяг, валяющиеся на ковре.

- Пойдемте отсюда скорей! Берите то, за чем пришли, и поспешим! – поторопил Баранов, поднимая с пола охапку ее

платьев и рюкзак.

- Профессор, я пришла не за этим! – внезапно опомнившись и люто сверкнув глазами, она отшвырнула платья в сторону.

Магдалена варила кофе в пожилой, выдавшей виды медной турке. Заворачиваясь в плед, устраивалась в большом старом кресле у камина, и дни напролет читала найденные в подполе книги. Каждая страница дарила уверенность в чем-то неоспоримом и непостижимом, о чем она раньше могла лишь догадываться. Минин с тревогой вглядывался в ее сосредоточенно-восторженное лицо. Со стороны могло показаться, что ей стало легче, она словно успокоилась и смирилась. Или же у нее тоже был свой заговорщический план, в который она Минина посвящать пока не собиралась?

- Как ты ввязался в это? Как получилось, что ты стал революционером? – допытывалась она.

Минин, обычно любивший пофилософствовать на разные темы, всегда умолкал, едва разговор касался этой. Даже если был в хмелю.

- Меньше знаешь – дольше жить будешь, - отшучивался он.

- А что, если восстание подавят? Тебя ведь схватят и арестуют как одного из заговорщиков! А следом и меня!

- Не дрейфь, Мэгги! Я научу тебя конспирации, - выпив еще и занюхав рукавом фуфайки, отвечал Минин, и принял за шпроты в масле. Последняя его вылазка на разведку выдалась успешной: он сумел существенно пополнить запа-

сы провианта. Правда, чуть не лишился своей подружки, которая, воспользовавшись его отсутствием, решила тоже прогуляться. – Ополчение создавалось не для того, чтобы воевать в открытую. У нас есть оружие, но главный наш инструмент – это слово, убеждение. Под дулом пистолета человек будет подчиняться, но лишь до тех пор, пока это дуло на него направлено. А вдохновленный великой идеей освобождения, он свернет горы даже голыми руками!

- Но это же государственное преступление! Нас повесят!

- Смотря кто станет государством в результате всей этой заварушки.

Снаружи свистел холодный ветер, порывами швыряя в окна пригоршни мелкого колкого снега, завывал во всех обнаруживаемых щелях. Квартиру выдувало. В гостиной с разбитым окном стало слишком холодно, и они перебрались в комнату поменьше. Тесненькая спальня, заставленная мебелью и холстами, освещенная тусклым светом свечи, стала для них единственным островком тепла в этом мире хаоса. Остатки скромной трапезы расположились на прикроватной тумбочке.

- Как ввязался, спрашиваешь?.. – подумав, ответил Минин. – Я был самой подходящей кандидатурой для своей миссии. Там, где все начиналось, умеют выбирать людей. Подозревать такого, как я, стали бы в самую последнюю очередь. Сама посуди – ну какой политический преступник алкаш, вроде меня? – указав пальцем на рюмку, он посмотрел

на Магдалену мгновенно протрезвевшим взглядом. – Это тоже, если хочешь, элемент конспирации. Советую освоить. И еще: ты ешь поскорей, потому что на сегодняшний вечер у меня на тебя планы, - он насадил на вилку самый жирный кусок тушенки и протянул к ее губам. Ам!

- Какие еще планы? – прожевав, спросила Магдалена.

- Большие. Написать тебя хочу, - с необыкновенной мягкостью в голосе произнес он, разглядывая ее лицо. – Давно кисти в руки не брал.

- Евлампий, тут такое!..

- Что еще может нас с тобой удивить? – оторвавшись от своей работы, он выглянул из-за холста, лаская взглядом ее бледную кожу в отсветах свечи.

Магдалена позировала ему с книгой, а заодно и наслаждалась чтением литературы - не просто запрещенной, а намеренно стертой из памяти человеческой.

- Если верить тому, что здесь написано, история человечества разворачивалась иначе, и все было не так, как мы думаем.

- И что же было на самом деле? – он продолжал писать ее полуобнаженное тело, небрежно и лишь наполовину прикрытое дырявой простыней.

Снаружи завывал ветер. Толстая, но почти уже прогоревшая свеча создавала причудливые тени. Вся обстановка рождала отчаянное, щемящее ощущение очага жизни и любви посреди мира разрухи, прямо сейчас лежащее на холст уверенными мазками. В этом была особая романтика, вдохновлявшая Минина на совсем другой стиль, ранее ему не присущий. На совершенно иное творчество.

И быть может, много лет после, глядя на это полотно, люди скажут: эту картину писал мужчина, который безумно любил изображенную здесь женщину. Любил, как в последний

день своей жизни...

- Тут описывается такое явление – коридор N[1]. Никогда не слышал? Я тоже... Это такой как бы «коридор» мнений и идей, выгодный власти, который искусственно создают и за пределы которого нам не дают заглянуть. Постепенная преднамеренная подмена понятий: неприемлемых – на приемлемые, а затем и единственно верные. Это внушение, Евлампий! Чистой воды! История шла не так, как нам ее преподносят!

- Не буду лукавить, будто я не догадывался...

Евлампий вышел из-за холста и подошел к кровати, на которой лежала Магдалена.

- Ну-ка дай посмотреть!

Он читал быстро. Она всегда удивлялась этой его технике чтения «по диагонали», при которой Евлампий не упускал ни одной важной детали.

До этого момента он словно нарочно не проявлял к этим нескольким пыльным книжкам интереса. Воспринимал их как нашедшую на Магдалену блажь, едва не стоившую ей жизни. Но это все было видимостью, за которой скрывалась истинная суть вещей: в них была правда, о которой он давным-давно и без нее знал. Но что-то его будто останавливало притронуться к неопровержимым фактам истории и «нырнуть» в эту правду с головой, разрушив свои убеждения о мире и о том, как он был и должен быть устроен.

- Вот за такое крамольное чтение нас точно повесят, – ска-

зал он, захлопнув книгу и взглянув на Магдалену.

- Если только, как ты говоришь, власть не изменится.

- Новая власть придет со своими постулатами. У нее будет другая легенда. А вот это вот, - он потряс книжкой в воздухе, - это чертова правда, которая никому не будет удобна! И притом она написала так убедительно, что ее проще сжечь, чем пытаться вернуть ей право на жизнь.

- Не вздумай! – встала она в позу.

- Топить уже нечем, скоро замерзнем...

- Мы их спрячем. Их надо снова спрятать и как можно надежнее!

- Мы погибнем из-за них, Мэгги!

- Мы сделаем так, чтобы их никогда не нашли.

Евламий все еще сердился на нее за безрассудный поступок, граничащий с самоубийством, когда она одна отправилась за этими книгами в свою разоренную квартиру. Сердился сильно, хотя и старался это скрыть.

Он пришел в бешенство и отчаяние одновременно, обнаружив в тот вечер на кровати вместо Магдалены подушки, накрытые одеялом, и уже был готов броситься на поиски очертя голову, когда ее привел Баранов. Трудно передать словами, что происходило в его душе! Она никогда раньше не видела Минина таким – ведь этот поступок действительно мог стоить ей жизни. Правда, к ярости Минина подмешивалось необъяснимое облегчение от того, что все обошлось и она жива.

- Выпороть бы тебя как следует! – сказал он, и грубо и, одновременно, нежно прижал ее к себе. В тот момент Магдалена поняла, что он никогда не поступит с ней так, как позволял себе Гавриил – что бы ни случилось.

Как это было не похоже на то, как муж однажды швырнул ее в подвал за якобы неуважительные слова в присутствии его матери! В тот момент, когда Минин оставил ее поступок без наказания, она все вспомнила. Вспомнила летний ужин, к которому спустилась в ночной рубашке. Вспомнила свой насмешливый дерзкий тон, которым ответила Аполлинарии Ивановне на какую-то очередную едкость.

...Гавриил неспешно вытер губы салфеткой. Потом встал, подошел к жене, грубо схватил ее под руку, поднял из-за стола под ее недоумевающим взглядом и потащил к выходу. По дороге сняв с гвоздя ключи от подвала свободной рукой. Босую и в одной сорочке, он выволок ее на улицу.

- Нет! Прости меня, Гавриил! – взмолилась Магдалена, когда поняла, куда он ее тащит. – Не надо!

Они стояли у жуткой железной двери в скошенной стене. Однажды она уже побывала там, внизу – позапрошлым летом.

- Простить тебя? – он сделал вид, что колеблется. - Ты не чувствуешь своей вины, - резюмировал он и загремел ключами.

- Гавриил, пожалуйста!

Она упиралась, путаясь в длинной сорочке. Ноги подкашивались. А косая дверь подвала неумолимо растворялась перед ней.

- Я никогда тебе этого не прощу! – много минут (или часов?) кряду думала она, оказавшись в крошечной темноте.

Позже в проблесках сознания Магдалена видела, что за ней пришли. Что Гавриил несет ее куда-то на руках. Вроде бы вверх по лестнице. Кладет на постель. Ругается о чем-то шепотом с маман.

После того инцидента она и впала в горячку, причиной которой, вероятнее всего, были попытки мужа и его маменьки стереть случившееся из ее памяти, снова инсценировав ее «душевную болезнь». В ту самую горячку, во время которой она случайно услышала разговор о готовящемся против нее преступлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.